

ИМПЕРИЯ СОБОЛЕВЫХ

Книга 1

Вера Вольф

СВОДНЫЙ

Токсичная любовь

18+

Вера Вольф

Сводный. Токсичная любовь

<https://litres.ru/73739272>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Майя. Теперь я живу в особняке миллиардера, а Денис Соболев - мой новый сводный брат.

Днём он холоден и даёт понять: я здесь никто. Ночью его ненависть превращается в страсть, которая сжигает нас обоих.

Я знала: это ошибка. Но один вечер, одна ложь - и меня выставляют за дверь. С разбитым сердцем и секретом, который изменит всё.

Я уехала, чтобы забыть. Но прошлое не отпускает.

Когда мы встречаемся снова, правила меняются. Он всё ещё наследник, который должен меня ненавидеть. Я всё ещё та, кому нельзя доверять. Но тайна выходит наружу, и теперь выбор только один: уничтожить друг друга или рискнуть всем ради шанса на счастье.

Тропы: Сводные брат и сестра Dark Romance От ненависти до любви Секрет Второй шанс

Содержание

Глава 1. Территория зверя	4
Глава 2. Ужин с дьяволом	15
Глава 3. Золотая клетка университета	30
Глава 4. Фальшивый поцелуй	45
Глава 5. Свита короля	60
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Сводный.

Токсичная любовь

Глава 1. Территория зверя

Я всегда думала, что ад - горячий. Ошибка. Ад оказался ледяным, и находился он на Рублевке, за высокими коваными воротами, которые разошлись перед нами с тяжелым стоном.

Это не просто металл скользил по рельсам - захлопывались челюсти хищника, проглотившего нас с мамой целиком. Я прижала к груди старенький рюкзак с наспех пришитой лямкой. Ладони вспотели, и я вытерла их о джинсы.

Мама стояла рядом и буквально светилась. Она в сотый раз поправляла безупречный локон, выбившийся из-под новой дорогой шляпки - подарка Виктора. Жест был таким родным и одновременно чужим. Раньше она поправляла волосы перед выходом в парк, уставшая после смены. Теперь в этом жесте сквозила нервная надежда.

Она смотрела на возвышающийся впереди замок из мрамора и тонированного стекла так, будто это вход в рай. Для нее это была сказка о Золушке, наконец нашедшей своего принца в лице строительного магната. Она не замечала холода, исходившего от стен, - видела только блеск.

Для меня этот дом выглядел золотой клеткой. Клеткой, в которой нам - двум провинциалкам с чемоданами из дешевого кожзама - не было места.

Я опустила взгляд на свои старые кеды. На левом носке чернело трудно выводимое пятно - прошлой зимой наступила в лужу с реагентами. На фоне идеально вычищенной гранитной аллеи эти кеды кричали о том, откуда мы пришли. Позорное клеймо, которое невозможно скрыть.

Здесь все пахло запредельными деньгами. Не просто запах - частота вибрации. Абсолютная власть, дорогой табак, который не курят, а коллекционируют, и пугающее совершенство, которое нельзя купить за одну зарплату, но можно навязать окружающим.

- Майя, ну улыбнись, - прошептала мама, сжимая мою руку так сильно, что кольцо с бриллиантом впилось в кожу. - Начинается новая жизнь. Мы дома, милая. Мы больше никогда не вернемся назад.

В ее голосе было столько отчаянной мольбы, что у меня защемило сердце. Она умоляла не разрушать ее хрустальную мечту. Я промолчала. Только привычно закусил нижнюю губу до крови. Металлический привкус - мой вечный спутник в минуты бессилия.

Назад - это наша крошечная двушка в промышленном городе, где каждую весну протекал потолок, и мы с мамой бегали с тазами, смеясь сквозь слезы. Назад - это подъезд, пропахший сыростью и дешевым табаком. Назад - это мама на

двух работах: днем медсестра в поликлинике, вечером - на телефоне доверия, с серым лицом и ватными ногами. А я по ночам мыла полы в круглосуточной аптеке, чтобы накопить на репетиторов.

Там пахло хлоркой, старыми бинтами и безнадегой. Но там пахло жизнью. Здесь же воздух был разреженным и стерильным, пропитанным ароматом дорогого ландшафтного дизайна - хвоей, влажной землей, химикатами для газонов. Я закрыла глаза, пытаюсь вспомнить родной запах ванили и маминых пирогов по выходным, но этот рублевский воздух вытеснял все живое, заполняя легкие ледяной ватой.

Мы двинулись по аллее. Мои кеды противно скрипели по граниту. Каждый шаг отдавался эхом в голове, и казалось, охрана у входа слышит этот скрип и скалится вслед. Я чувствовала себя товаром, который мама привезла в придачу к своей увядающей красоте и готовности угождать новому «хозяину». Мы были чужими. Это читалось в холодном блеске панорамных окон, отражающих наше жалкое шествие, и в напряженном молчании фигур у массивной дубовой двери.

- Денис - мальчик непростой, - тихо выдохнула мама, не глядя на меня. - Но Виктор говорит, у него просто сложный период. После смерти матери замкнулся. Будь с ним покладистой, Майя. Пожалуйста. Нам очень нужно, чтобы все получилось.

«Покладистой». Она просила быть покладистой с парнем, чей отец купил мою мать, а меня терпит как неизбежное зло.

Я хотела закричать, что не хочу, чтобы у нас с ним «получалось», что хочу домой, но комок в горле был размером с теннисный мяч.

Я не успела. Тишину элитного поселка разорвал яростный рев мотора. Не просто звук - удар тока, вибрация, прошедшая сквозь землю и взорвавшаяся в затылке, заставив внутренности сжаться в болезненный узел.

Я вздрогнула, едва не выронив рюкзак. Из-за поворота, ведущего к гаражному комплексу, вылетел угольно-черный мотоцикл. Низкий, хищный, с горящими фарами даже днем. Он несся прямо на нас, не сбавляя скорости. Гравий летел из-под колес, как шрапнель.

Мама вскрикнула и отпрянула, едва не рухнув на газон. Я же застыла, приросшая к граниту. Мои ноги онемели, отказываясь слушаться. Мыслей не было - только первобытный ужас.

Мотоцикл затормозил резко, со свистом, в сантиметре от моих коленей. Меня обдало жаром раскаленного металла и тяжелым запахом жженой резины. Облако пыли оседало на мои джинсы, на позорные кеды, на мамину новую шляпку.

Пилот в черном кожаном экипе замер, не слезая. В черном визоре шлема я видела только себя - бледную, испуганную девчонку с расширенными глазами.

Наконец он заглушил мотор. Тишина стала еще более зловещей. Он медленно снял шлем, темные волосы рассыпались по лбу.

Это был Денис Соболев.

Я видела его лицо на снимках, которые мама с благоговением показывала в телефоне Виктора. Но реальность оказалась сокрушительней. Фотографии не передавали и сотой доли того, что исходило от него вживую.

Высокий, широкоплечий, пугающе красив той порочной красотой, которая не сулит ничего, кроме разрушения. Резкие черты, словно высеченные из холодного мрамора: жесткая линия челюсти, тонкие губы, сжатые в презрительную усмешку. Но самым страшным были глаза. Светло-серые, почти прозрачные, они смотрели на меня с ледяным, пронизывающим презрением. Это был ледяной прищур, который сканировал, раздевал, оценивал и тут же приговаривал.

Денис спрыгнул с байка одним текучим движением. В нем не было суеты - только опасная грация зверя, вышедшего на охоту. Мама обрела дар речи, шагнула вперед, натянув самую добрую улыбку:

- Здравствуй, Денис! Я Ирина, мы с тобой...

Он даже не повернул головы. Словно она была пустым местом, насекомым, не заслуживающим взгляда. Его внимание полностью поглотила я. Он шел, сокращая расстояние, и с каждым шагом воздух между нами становился все плотнее и холоднее. Как хищник, выбравший жертву и наслаждающийся ее страхом.

Когда он остановился вплотную, я перестала дышать. Между нами не больше двадцати сантиметров. Жар его раз-

горяченного тела и одновременно мелкая дрожь, бьющая меня. По коже побежали болезненные мурашки. Каждый волосок на руках встал дыбом.

И тогда я почувствовала его запах. Он накрыл волной, сбивая с ног: густой, дурманящий аромат морозного кедра и черного перца. Холод северного леса и обжигающая острота пряности. Он проникал в легкие, оседал на языке, смешивался с моим страхом и моей слабой ванилью. Мой запах, всегда успокаивавший меня, был просто раздавлен, стерт в пыль его тяжелой аурой. Я чувствовала себя маленькой, беззащитной.

Денис медленно, с нескрываемым отвращением окинул меня взглядом. Смаковал. Его глаза скользнули по спутанным волосам, по дешевому синтетическому свитеру, надолго задержались на кедах. Он смотрел на чернильное пятно так, будто это личное оскорбление его дому. Потом впился в мои глаза.

В его взгляде не было простой неприязни - только полное, абсолютное презрение к «нищенке», посмевавшейся ступить на его территорию. Я была грязью на его идеально вычищенных ботинках.

Он наклонился к моему уху. Медленно, опасно близко. Я ощутила жар дыхания на ледяной коже, колючее прикосновение щетины к виску. Сердце колотилось так громко, что, казалось, он должен это слышать.

- Послушай меня внимательно, «сестренка», - прошипел

он. Голос низкий, хрипловатый, острый, как лезвие ножа. - Не думай, что этот дом станет твоим. Ты здесь никто. Пустое место. Обычная нищенка с помойки, которую мой отец при- тащил, чтобы развлечься и потешить старческое эго.

Его пальцы вдруг легли на мою шею. Всего на секунду. Теплое, жесткое прикосновение - и меня ударило разрядом. Электричество прошло от точки касания до кончиков паль- цев, до корней волос. Я дернулась, но не смогла отстранить- ся.

- Я превращу твою жизнь в ад, - пообещал он, и голос стал еще тише, интимнее, отчего угроза стала страшнее. Он об- жигал холодом серых глаз, в которых я видела свое искажен- ное ужасом отражение. - Я буду наблюдать, как ты ломаешь- ся. Каждый день. Наслаждаться. А когда станешь полностью раздавленной, жалкой и никчемной, я лично вышвырну тебя отсюда. Обратно в грязь, из которой ты выползла. Грязную, униженную, сломанную. Запомни это.

Он отстранился так же внезапно, как приблизился. Губы искривились в самодовольной усмешке, полной жестокости. Но договорить не успел.

- Денис! Хватит пугать гостей! - раздался от крыльца властный бас.

Мы обернулись. На широкое мраморное крыльцо вышел Виктор Соболев. Дорогой костюм-тройка, седые виски, хо- леная щетина, массивные часы и взгляд человека, привык- шего повелевать. Рядом двое мужчин в таких же дорогих ко-

стюмах с холодными лицами - охрана или помощники.

Денис мгновенно изменился. Не стал мягче, но в осанке появилась сдержанная злоба, смешанная с ненавистью к отцу. Он бросил на меня последний, обещающий долгую расправу взгляд и, не сказав ни слова, направился к дому, бросив шлем прямо на идеальный газон.

Виктор спустился по ступеням и подошел к нам. Лицо расплылось в радушной, но слишком правильной улыбке. Он мягко, по-хозяйски обнял маму за талию и сухо поцеловал в щеку. Но глаза, темные и цепкие, изучали меня, оценивали.

- Ну здравствуй, Майя, - произнес он, протягивая руку. Ладонь сухая, твердая, холодная. - Добро пожаловать в семью. Не обращай внимания на Дениса. Он привыкает к новым обстоятельствам. Со временем вы поладите.

Я вежливо коснулась его руки, стараясь не смотреть на дверь, за которой скрылся «сводный брат». В словах Виктора слышалась уверенность, но я видела, как он смотрит на маму. Не как на любимую женщину - как на дорогую покупку, которой будет наслаждаться, пока не надоест. От этого взгляда стало еще холоднее, чем от угроз Дениса.

- Пойдемте в дом, - скомандовал Виктор. - Ирина, дорогая, переоденься к ужину. Майя, твои вещи уже подняли в комнату. Отдыхай.

Мы вошли в холл, и у меня перехватило дыхание. Огромное пространство-atrium, залитое холодным светом из купольного окна под потолком. Пол из белого итальянского

мрамора с золотистыми прожилками отполирован до блеска - я видела в нем свое испуганное отражение. Массивная лестница с коваными перилами уходила вверх и раздваивалась, ведя в два крыла.

Стены увешаны картинами в тяжелых рамах, стояли напольные вазы выше меня ростом с экзотическими цветами. Но их аромат тонул в запахе дорогого дерева, старой кожи, табака и еще чего-то тяжелого, давящего. Тишина была такой плотной, что, казалось, давит на барабанные перепонки.

Два охранника в черных костюмах стояли у входа, не шелохнувшись. Для них мы были частью интерьера.

- Твоя комната на втором этаже, в правом крыле, - Виктор указал наверх. - Денис живет в левом. Постарайся не заходить на его территорию. Он ценит уединение.

Я кивнула и начала подниматься по лестнице, вцепившись в лямки рюкзака. С каждой ступенькой ощущение чужеродности усиливалось. Я обернулась: мама с восторгом рассматривала хрустальную люстру, а Виктор смотрел на меня. Изучающе, оценивающе. Как на актив, который только что приобрел.

Я пошла быстрее. В голове пульсировало: добраться до комнаты, закрыть дверь, спрятаться.

Коридор второго этажа был бесконечным, устлан мягкой ковровой дорожкой. Светильники горели ровным теплым светом, но мне он казался погребальным. Я нашла дверь с медной табличкой «Гостевая спальня №3», вошла и наконец

выдохнула.

Комната оказалась огромной. Больше нашей квартиры. Кровать под балдахин, антикварный письменный стол, шкаф, в который поместились бы все жители нашего дома, своя ванная, сверкающая хромом. На кровати аккуратной стопкой лежали мои вещи - те немногие пожитки, что мы привезли. Они смотрелись так же нелепо и жалко, как мои кеды на гранитной аллее.

Я подошла к огромному окну, выходящему в парк. Внизу, под окнами, стоял Денис. Прислонившись спиной к старому дубу, курил и смотрел прямо на мое окно. Даже на расстоянии я чувствовала его взгляд - ледяной, тяжелый. Он не просто смотрел - наблюдал. Следил. Ждал.

Я задернула тяжелые шторы и прислонилась спиной к стене. Сердце бешено колотилось. В комнате было жарко от батарей, но я не могла согреться. Села прямо на пол, обхватила себя руками. Война, объявленная у ворот, только началась. И первой потерей стал мой покой.

Я знала это точно. Потому что, даже зарывшись лицом в колени, все еще чувствовала этот запах. Кедр и черный перец. Он въелся в волосы, в кожу, в легкие. Запах хищника. Запах моего нового ада.

Сколько я так просидела - не знаю. В тишине комнаты резко завибрировал телефон. Я вздрогнула, чуть не выронив его. Незнакомый номер, сообщение.

Я открыла.

Фотография. Моя комната, снятая откуда-то сверху, почти с потолка. На фото я сижу на полу, маленькая, испуганная, забившаяся в угол роскошной клетки.

А ниже текст:

«Уютно устроилась, мышка? Не расслабляйся. Я люблю играть с едой, прежде чем съесть. Завтра начинается твой личный ад. Добро пожаловать домой, сестренка. P.S. Спи с включенным светом. Я ненавижу темноту».

Я зажала рот рукой, чтобы не закричать. Вскочила, лихорадочно заметалась по комнате, задерживая шторы, проверяя углы, заглядывая под кровать. Включила все лампы, заперла дверь на щеколду и придвинула к ней тяжелое кресло.

Я знала, что не усну. Но и представить не могла, что этот кошмар только начинается.

Глава 2. Ужин с дьяволом

Я не помню, как уснула. Кажется, просто отключилась от перенапряжения - сидела на полу, привалившись спиной к кровати, сжимая рюкзак, и провалилась в темноту. Без снов, без мыслей, без ничего. Просто выключилась, как старый телевизор, который наконец-то выдернули из розетки.

Очнулась оттого, что затекло плечо и во рту было сухо, будто я час жевала вату. В комнате за шторами было совсем темно, но я не знала, который час. Телефон я так и сжимала в руке - пальцы затекли, едва разжались.

Разблокировала экран. Фотография все еще висела в чате. Моя комната, я на полу, маленькая, испуганная. Я не удалила ее. Сама не знаю почему. Может, чтобы не забывать, где я оказалась и кто меня здесь ждет. Или чтобы в любой момент могла доказать себе, что это не приснилось.

Я поднялась, ноги дрожали после неудобной позы. Подошла к окну, осторожно отодвинула край шторы. Внизу, в парке, горели ландшафтные фонари, газон был идеально подсвечен, будто декорация в театре. Дуб стоял на месте, массивный, старый. Но под ним было пусто. Никаких следов. Словно вчерашнее мне действительно приснилось.

Но синяки на запястье, которые я разглядела при свете телефона, были настоящими. Четыре темных пятна - следы его пальцев.

Я зачем-то потеряла их, будто могла стереть, и в этот момент в коридоре слышались шаги. Легкие, быстрые, но отчетливые. Кто-то шел по мягкой ковровой дорожке, и шаги звучали глухо, как удары по войлоку.

Потом вежливый стук в дверь.

- Майя, Виктор просил передать, что ужин через час. Вам помочь с платьем?

Женский голос, ровный, безэмоциональный. Я узнала его - женщина, которая встречала нас у входа. Кажется, экономка. Или домоправительница. Здесь вообще все называлось какими-то другими словами, не как у людей. Не «хозяйка», а «управляющая». Не «прислуга», а «персонал». Не «комната», а «гостевое крыло».

- Спасибо, я сама, - крикнула я, но дверь все равно открылась.

В проеме стояла женщина лет пятидесяти, гладко зачесанная, в строгом темном платье с глухим воротом и с лицом, на котором не отражалось никаких эмоций. Ни улыбки, ни приветливости, ни даже обычного человеческого любопытства. В руках она держала большое полотняное платье нежно-голубого цвета - ткань переливалась при свете ламп, будто жидкий шелк.

- Виктор распорядился подготовить вам наряд к ужину, - сказала она, входя без приглашения. - Сегодня будут гости, нужно выглядеть соответственно.

Она говорила ровно, без тени улыбки, и от этого ее слова

звучали не как предложение, а как приказ, не подлежащий обсуждению.

- У меня есть своя одежда, - начала я, но женщина уже подошла к кровати и аккуратно, с какой-то почти хирургической точностью, разложила платье поверх покрывала.

- Это распоряжение Виктора, - повторила она и замялась, подбирая слово. Я видела, как она покосилась на мои вещи, сложенные стопкой в углу. - Ваши вещи... они не совсем подходят для торжественного ужина.

Она не сказала «дешевые» или «позорные». Но это читалось в ее взгляде, в том, как она на секунду прищурилась, рассматривая мой старенький свитер.

- Я пришлю горничную помочь вам одеться через сорок минут, - добавила она и вышла так же бесшумно, как появилась.

Я осталась стоять посреди комнаты, глядя на это идеальное платье. Нежно-голубое, с тонкими бретельками, явно дорогое - такие носят девушки с обложек глянцевого журналов. Я провела рукой по ткани - прохладная, скользкая, живая. Она пахла дорогим кондиционером и еще чем-то неуловимым. Тем же запахом, что витал в холле: деньги, полированное дерево, чужая жизнь, в которую меня запикивают силой.

Я представила, как спускаюсь вниз в своем свитере и джинсах. Как смотрю в глаза этим богатым людям. Да, я нищая провинциалка. Да, у меня кеды с пятном. И что? Я имею право быть собой.

Но потом я увидела маму. Мысленно, но очень отчетливо. Ее лицо, ее молящий взгляд. «Нам очень нужно, чтобы все получилось». Она так старалась, так ждала этой «новой жизни». Ради нее я не имела права все испортить в первый же вечер.

Не сегодня.

Через сорок минут в дверь постучали. Я уже стояла перед зеркалом в этом проклятом платье. Оно сидело идеально. Словно шили по моим меркам, хотя я знала, что это невозможно. Просто деньги умеют делать так, что чужая одежда садится по фигуре, как влитая.

Горничная оказалась совсем молоденькой - лет семнадцать, не больше. Худенькая, с испуганными глазами, она вошла, низко опустив голову, и молча принялась за дело. Ловкими, быстрыми движениями уложила мои волосы в какую-то замысловатую прическу, подвела глаза, чуть тронула губы блеском. Работала как автомат - ни улыбки, ни лишнего слова.

Я смотрела на себя в огромное зеркало и не узнавала.

Из зеркала на меня смотрела чужая девушка. Красивая. Ухоженная. Дорогая. Та, которой здесь самое место. Только глаза остались мои - испуганные, настороженные, чужие в этом идеальном, словно нарисованном лице.

- Вам очень идет, - тихо сказала горничная и тут же опустила глаза, будто испугалась собственных слов. Будто боялась, что кто-то узнает о том, что она вообще открыла рот.

- Спасибо, - ответила я, но она уже выскользнула за дверь, растворилась в коридоре, как тень.

Я осталась одна. Глубоко вздохнула, закусила губу - до привычного металлического привкуса. Сделала шаг к двери. Потом еще один. Вышла в коридор.

Лестница вниз казалась бесконечной. Ступени из мрамора, кованые перила, подсветка - и я, босая, потому что туфли несла в руках. Не могла заставить себя надеть их раньше времени. Шла и считала ступеньки. Пять. Десять. Пятнадцать. Двадцать. Сердце колотилось где-то в горле, каждый шаг отдавался глухим стуком в груди.

Я слышала голоса задолго до того, как спустилась. Мужской, властный - Виктор. Мамин - взволнованно-счастливый, такой, каким она говорила только в минуты особого восторга. И еще несколько незнакомых - смех, звон бокалов, женские голоса, красивые, поставленные.

Я вошла в гостиную, и разговор стих.

На меня смотрели все.

Виктор - оценивающе, с легкой улыбкой одобрения, как смотрят на удачную покупку. Мама - с мольбой во взгляде и надеждой, что я не подведу. Какие-то незнакомые мужчины в дорогих костюмах - с ленивым любопытством, словно я была новым экспонатом в их коллекции. Женщины с идеальными лицами и такими же идеальными улыбками - с холодным интересом, смешанным с чем-то похожим на снисхождение.

И Денис.

Он стоял у камина. Прислонился плечом к мраморной полке, в руке - бокал с темной жидкостью, явно не сок. На нем был темный пиджак, белая рубашка расстегнута у ворота - небрежно, но так, что это выглядело вызывающе. Слишком расслабленно для такого вечера. Слишком нарочито.

Он смотрел на меня в упор. И если в глазах остальных я читала что угодно - любопытство, оценку, снисхождение, - то в его взгляде не было ничего. Вообще. Абсолютная пустота. Словно я не человек, а предмет мебели, который внезапно оказался в комнате и теперь портит интерьер.

- А вот и Майя, - Виктор сделал шаг навстречу, легко коснулся моего плеча. - Прошу любить и жаловать. Моя новая дочь.

«Новая дочь». Звучало так, будто старые у него закончились, и пришлось заказать новую с доставкой.

Кто-то из женщин улыбнулся, кто-то кивнул. Я стояла посреди этой роскошной гостиной, в этом чужом платье, с чужой прической, и чувствовала себя экспонатом на выставке.

- Майя учится в том же университете, что и Денис, - добавил Виктор, и я вздрогнула. - Так что брат присмотрит за сестрой.

Я посмотрела на Дениса. Он дернул уголком рта. Это не было улыбкой - скорее усмешкой хищника, которому пообещали сытный ужин.

- С превеликим удовольствием, - произнес он, и от его

тона у меня мурашки побежали по коже. Холодные, острые, как ледяные иглы.

Мама засуетилась, подошла, взяла меня за руку, сжала пальцы:

- Ты такая красивая, доченька. Я же говорила - здесь все будет хорошо.

Я хотела ответить. Хотела сказать, что ничего хорошего здесь не будет, что я чувствую себя ряженой обезьянкой, что этот дом давит на меня, как могильная плита. Но посмотрела в ее сияющие глаза и промолчала. Только сжала ее пальцы в ответ.

Ужин накрыли в огромной столовой. Стол был таким длинным, что, казалось, на нем можно играть в теннис - я даже не преувеличиваю. Белая скатерть, хрусталь, серебро, живые цветы в вазах, три вида вилок с каждой стороны тарелки. Я даже не знала, для чего каждая. В нашей старой жизни вилка была просто вилок.

Мама села рядом с Виктором - по правую руку, как положено хозяйке. Она сияла, поправляла платье, улыбалась гостям и явно чувствовала себя королевой бала. Гости чинно беседовали о какой-то ерунде: о погоде в Куршавеле, о новых яхтах, о том, у кого какой реставратор делал особняк. Я молчала и пыталась запомнить, какой вилок едят рыбу, чтобы не опозориться.

Денис сидел напротив. Наискосок. Так, что стоило мне поднять глаза - я натыкалась на его взгляд. Он не отводил

его. Смотрел в упор, изучающе, раздевающе. Словно проверял, как долго я выдержу, как быстро отведу глаза.

Я отвела. Первая.

подавали какое-то невероятное блюдо - рыбу в белом соусе, украшенную икрой. Яковыряла вилкой, не чувствуя вкуса. Рядом со мной сидела дама в бриллиантовом колье, которое, наверное, стоило как наша старая квартира. Она смотрела на меня с вежливым любопытством и наконец спросила:

- Майя, а вы кем хотели стать?

Я подняла глаза.

- Журналистом, - ответила тихо, почти шепотом.

- Журналистом? - Дама удивленно подняла идеально выщипанные брови. - Это так... необычно. Сейчас же все идут в адвокаты или в финансисты. Журналистика - это же почти благотворительность.

Она рассмеялась собственным словам. Несколько человек поддержали.

- Майя у нас очень целеустремленная, - вмешалась мама, и в ее голосе послышалась гордость. - Сама поступила на бюджет, сама готовилась, ночами не спала.

- На бюджет? - переспросил мужчина напротив, тот самый, что сидел рядом с Денисом. В его голосе послышалась насмешка, плохо скрытая вежливостью. - А, так вы та самая...

Он не договорил. Но я поняла. Та самая нищенка, кото-

рую пригрели. Та самая, из грязи в князи. Приживалка, которой место на кухне, а не за этим столом.

Я почувствовала, как щеки заливает краска. Горячая, стыдная волна поднялась откуда-то изнутри, заставила опустить глаза. Я смотрела в свою тарелку и видела только размытые пятна.

Денис смотрел на меня и улыбался. Улыбался широко, открыто, довольно. И от этой улыбки мне захотелось провалиться сквозь землю, сквозь этот дорогой паркет, сквозь фундамент - прямо в подвал, где меня никто не увидит.

- А Денис у нас гений финансов, - продолжал мужчина. - Уже сейчас помогает отцу с крупными проектами. Правда, Денис?

- Стараюсь, - коротко бросил Денис, не сводя с меня глаз. - Приходится учиться на своих ошибках.

Он сказал это так, что я поняла: это про меня. Я - его ошибка. И он собирается ее исправить.

Вечер тянулся бесконечно. Я почти не ела - кусок в горло не лез. Отвечала односложно, улыбалась, когда надо, кивала, когда требовалось, и чувствовала, как внутри нарастает глухая, тяжелая тоска. Она заполняла меня всю, вытесняя воздух, вытесняя мысли, оставляя только одно желание - чтобы это закончилось.

После ужина гости переместились в малую гостиную - пить кофе и коньяк. Я попыталась незаметно улизнуть наверх, но Виктор окликнул меня. Голос у него был такой, что

не послушаться невозможно - въедался в подкорку, как команда.

- Майя, посиди с нами. Ты же теперь член семьи.

Член семьи. Я послушно села на краешек дивана, сжала руки в кулаки, чтобы не дрожали. Платье было красивым, но сидеть в нем оказалось неудобно - все время казалось, что оно сползет, откроет что-то лишнее.

И тут Денис подошел ко мне. Просто подошел и сел рядом. Так близко, что я снова почувствовала его запах - кедр, перец, холод. Этот запах заполнил мои легкие, вытесняя кислород. Сердце заколотилось, как сумасшедшее, готовое выпрыгнуть из груди.

- Ну что, сестренка, - тихо, почти ласково произнес он, наклоняясь к моему уху. - Нравится быть членом семьи? Чувствуешь себя своей?

Я молчала. Боялась даже дышать. Боялась, что если пошевелюсь, он сделает что-то еще.

- Ты здесь никто, - продолжал он все так же ласково, и его голос обжигал, как кислота. - И никогда не станешь своей. Ты просто дешевая приживалка, которую мой отец купил для своей утехи. А твоя мать - удобная прислуга в постели.

Я дернулась. Рванулась встать. Но он схватил меня за запястье - сильно, больно, так, что я чуть не вскрикнула. Пальцы впились в то же место, где остались синяки. Сжали, сдавили, пригвоздили к месту.

- Сиди и улыбайся, - прошипел он, и его губы почти ка-

сались моего уха. Со стороны, наверное, это выглядело как нежная братская забота. - Ты теперь часть декораций. Будешь дергаться - пожалеешь.

Я сидела. И улыбалась. Смотрела на гостей, на маму, на Виктора и улыбалась застывшей, фарфоровой улыбкой, пока его пальцы впивались в мою руку, оставляя новые синяки поверх старых.

Никто не видел. Никто не обращал внимания. Мама что-то рассказывала даме в колье, Виктор обсуждал с мужчинами политику, гости смеялись, пили кофе, наслаждались вечером. А я сидела и улыбалась, чувствуя, как внутри все сжимается от боли и унижения.

Минуты тянулись, как часы. Я перестала считать, сколько прошло времени. Может, полчаса. Может, час. Денис не отпускал меня. Иногда он чуть ослаблял хватку, но стоило мне дернуться - сжимал снова, сильнее.

Когда гости наконец начали расходиться, он разжал пальцы. Медленно, не торопясь. Встал, одернул пиджак, поправил манжеты. Посмотрел на меня сверху вниз - и я увидела в его глазах довольство. Настоящее, сытое довольство хищника, который наигрался с жертвой.

- Сладких снов, сестренка, - бросил он на прощание. - Надеюсь, тебе понравится твоя комната. Я лично позаботился, чтобы она была... уютной.

Он ушел. Просто развернулся и ушел, даже не оглянувшись. А я осталась сидеть на этом проклятом диване, чув-

ствуя, как дрожат руки, как пульсирует боль в запястье, как слезы подступают к горлу, но не выходят наружу.

Мама подошла ко мне, когда гости разошлись. Чмокнула в щеку, пахнущую чужими духами, и прошептала:

- Ну как ты, доченька? Видишь, все хорошо. Денис с тобой даже разговаривал, сидел рядом. Я же говорила - он просто стеснительный. Надо дать ему время привыкнуть.

Я кивнула. Стеснительный. Да. Очень стеснительный.

- Я пойду спать, - выдавила я, и голос прозвучал хрипло, чужо.

- Конечно, конечно. Завтра новый день. Все наладится, вот увидишь.

Я поднялась к себе. Ноги дрожали, в висках стучало. Я поднялась по этой бесконечной лестнице, прошла по бесконечному коридору, вошла в свою комнату. Закрыла дверь. Придвинула кресло. Прислушалась. Тишина.

Долго стояла посреди комнаты, пытаюсь унять дрожь. Потом подошла к кровати, чтобы лечь, снять это проклятое платье, спрятаться под одеяло.

И замерла.

На подушке лежал мой старый свитер. Тот самый, дешевый, синтетический, который я оставила в шкафу, когда переодевалась. Я помнила, как сложила его аккуратно стопкой, задвинула подальше, чтобы не мозолил глаза.

Кто-то достал его. Кто-то принес и аккуратно разложил на наволочке, расправив рукава.

Свитер был разрезан. От ворота до самого низа. Ровно, аккуратно, будто скальпелем. Один длинный разрез, от которого ткань разошлась в стороны.

Рядом лежала записка. Маленький квадрат плотной бумаги, какие используют для дорогих визиток. Одно слово, написанное твердым, мужским почерком:

«Скучала?»

Я зажала рот ладонью, чтобы не закричать. Заметалась по комнате - к двери, проверить замок. Заперто. К окну - шторы задернуты, я сама их задергивала. К шкафу - распахнула, заглянула внутрь, отодвинула вещи. Пусто.

Но он был здесь. Он заходил в мою комнату, пока меня не было. Сидел на моей кровати. Резал мой свитер. Писал эту записку.

Я обвела взглядом стены, потолок, люстру. Где? Где камера, с которой он сфотографировал меня в прошлый раз? Я не видела. Ничего не видела. Только гладкий белый потолок, только стены, оклеенные дорогими обоями с незаметным рисунком, только картина над кроватью.

Я подошла к картине. Обычный пейзаж - лес, озеро, закат. Ничего подозрительного. Постучала по раме - дерево. Заглянула за нее - стена.

Я отошла, села на пол, обхватила голову руками. Дрожь не проходила. Меня трясло так, что зубы стучали.

В телефоне снова завибрировало сообщение. Я даже не удивилась. Просто разблокировала экран и посмотрела.

Тот же номер.

Фотография. Я в гостиной. Сажу на диване, улыбаюсь застывшей улыбкой, а рядом Денис, склонившийся к моему уху. Со стороны - идиллическая картина. Заботливый брат шепчет что-то ласковое сестре. Теплые семейные отношения.

Я знала, что под этой картинкой. Я чувствовала его пальцы на своем запястье.

И текст:

«Ты отлично смотрелась сегодня, мышка. Правда, глаз дергался. Надо работать над самоконтролем. Завтра будет веселее. Обещаю».

Посидела еще минуту, потом встала, снова заперла дверь - хотя она была заперта. Снова проверила окна - заперты. Снова оглядела комнату в поисках камер - и снова не нашла ничего.

Но он видел. Он видел, как у меня дергался глаз. Он был там. Он везде.

Я забила в угол кровати, накрылась одеялом с головой и просидела так до утра. Не спала. Только смотрела в темноту, сжимая в руке разрезанный свитер, и слушала, как стучит сердце.

Где-то в доме часы проббили полночь. Потом час. Потом два.

Я думала о маме. О том, как она счастлива. О том, что я не могу ей рассказать. Она не поверит. Или поверит, но

испугается, и тогда все рухнет. Ее сказка, ее принц, ее новая жизнь.

Я думала о Денисе. О его пальцах на моей шее, о его запахе, о его глазах - пустых, как у рыбы, и в то же время таких живых в своей жестокости.

Я думала о том, что впереди еще целая жизнь в этом доме. Что завтра новый день. И что он пообещал, что будет веселее.

Я не хотела веселья.

Я хотела проснуться в своей старой комнате, в своей старой жизни, где самым страшным были протекающий потолок и злая учительница по математике.

Но я не проснулась.

Война продолжалась.

И я понятия не имела, как ее выиграть.

Глава 3. Золотая клетка университета

Я не спала. Совсем.

Всю ночь просидела в углу кровати, поджав колени к груди, и смотрела на дверь. Ждала, что она откроется. Что он войдёт. Что исполнит обещание, данное у ворот: «Я превращу твою жизнь в ад».

Дверь молчала.

Часы в доме били каждый час - глухо, торжественно, как на похоронах. В два ночи я услышала шаги в коридоре. Они приблизились к моей двери, замерли на несколько секунд, потом двинулись дальше. Я задержала дыхание, вцепившись в одеяло. Сердце колотилось где-то в горле, и мне казалось, этот стук слышен за дверью.

Шаги стихли.

В шесть утра я уже не пыталась отличить явь от кошмара. Разрезанный свитер лежал рядом на тумбочке - я так и не убрала его. Теперь он казался предупреждением. Я сунула его в рюкзак, чтобы не оставлять здесь, в этой комнате, где он уже побывал без меня.

За окном серел рассвет. Я смотрела, как медленно проступают очертания комнаты. Огромной, чужой, пахнувшей дорогим деревом и лаком для мебели. Здесь не было запаха дома

- ванили, старых книг, маминых пирогов. Здесь пахло днями и стерильной чистотой.

Телефон завибрировал - будильник. Первый учебный день.

Я с трудом разжала пальцы, пошевелила ногами, затекшими от неудобной позы. Подошла к окну, отдернула штору.

Парк внизу был мокрым от ночного дождя. Дуб, под которым вчера стоял Денис, казался обычным деревом. Без него, без мотоцикла, без запаха кедра и перца это место выглядело почти безобидно.

Почти.

Я вспомнила записку на подушке. Разрезанный свитер. Фотографию, где я сплю, снятую сверху.

Камера.

Я обвела взглядом комнату. Потолок идеально белый, без единой трещинки. Стены в дорогих обоях с мелкими цветами. Ни решёток, ни вентиляции, ни подозрительных деталей. Я проверила бра над кроватью, настольную лампу, даже розетки.

Ничего.

Или он умеет прятать лучше, чем я искать. Или камеры вмонтированы так, что их не видно.

В дверь постучали.

- Майя, вы проснулись? - голос экономки. - Виктор велел передать: завтрак через полчаса. Водитель отвезёт вас к де-вяти.

- Я спущусь.

Я отошла от окна. Достала из шкафа свои джинсы - единственные, которые влезли в чемодан. Белую футболку, которую мама купила на рынке перед отъездом. Кардиган, связанный бабушкой ещё в школе: мягкий, тёплый, с вытертыми локтями. Всё это было дешёвым, простым, почти бедным. Но своим.

Я натянула джинсы, застегнула пуговицу. Кардиган пах домом - ванилью и стиральным порошком. Зарылась носом в вязаный ворот, на секунду закрыла глаза. Там, дома, меня не боялись. Там не было камер в спальне.

Потом достала из рюкзака флакон духов - купила в переходе перед отъездом за триста рублей, хотела казаться взрослее. Резкий, приторный запах «ягодного коктейля» перебил ваниль. Чтобы не пахло бедностью. Чтобы никто не унюхал, откуда я на самом деле.

Брызнула на запястья, на шею, за уши. Пахло дешёвым парфюмом и страхом.

Внизу, в столовой, уже накрывали завтрак. Виктор сидел во главе стола, в идеально выглаженной рубашке, листал планшет. Мама - рядом, в красивом домашнем платье, с идеальным макияжем, улыбалась, наливая кофе в фарфоровую чашку. Она выглядела так, будто всю жизнь прожила в этом доме.

Увидев меня, она всплеснула руками:

- Майя! Ты такая бледная. Не выпалась?

- Всё нормально.

- Волнуешься, наверное, - она понизила голос. - Первый день в новом университете. Но ты справишься, я знаю.

Я кивнула, села на своё место. Омлет пах маслом, свежие круассаны лежали на тарелке, апельсиновый сок - в хрустальном графине. Я смотрела на это и не чувствовала голода.

- Денис подвезёт тебя, - не поднимая головы, бросил Виктор.

У меня похолодели руки.

- Что?

- У вас одна дорога, - спокойно сказал он. - Зачем два водителя гонять?

Мама смотрела на меня с надеждой. Я промолчала. Спорить с Виктором Соболевым - всё равно что спорить с ураганом.

- Денис! - крикнул Виктор. - Ты готов?

Из коридора донеслись тяжёлые шаги. Я уставилась в тарелку, чувствуя, как под рёбрами сжимается холодный ком.

- Всегда готов.

Голос прозвучал слишком близко. Я почувствовала запах кедр и перец. Он вошёл в столовую, на ходу застёгивая манжеты тёмно-синей рубашки. Волосы влажные после душа, на скулах тень щетины. Выспавшийся. Довольный. Живой.

- Доброе утро, сестрёнка, - он сел напротив.

Я подняла глаза. Он улыбался легко, непринуждённо, будто между нами не было вчерашнего вечера. Будто не он раз-

резал мой свитер и писал записки.

- Ты не ешь, - заметил он, кивая на мою тарелку. - Первый день - стресс. Надо подкрепляться.

В его голосе звучала забота. Такая натуральная, что я на секунду засомневалась. Может, мне всё приснилось? Может, я просто накручиваю себя?

Мама засияла.

- Видишь, Денис заботится о тебе. Я же говорила, вы поладите.

Я отодвинула тарелку.

- Я наелась.

- Как хочешь, - пожал плечами Денис, допивая кофе. - Тогда поехали. Не хочу опаздывать.

Он поднялся, бросил салфетку на стол. Мама чмокнула меня в щеку - губы пахли её новой помадой, вишнёвой, дорогой.

- Удачи, милая. Я буду ждать.

В прихожей он уже натягивал кожаную куртку. Я остановилась у двери, глядя, как он застёгивает молнию.

- Может, я сама...

- Что? - он обернулся, и в глазах мелькнуло знакомое ледяное спокойствие. - Доедешь сама? На метро? С пересадками? Ты вообще знаешь, где университет?

Я молчала. Не знала.

Он открыл дверь. На улице стоял его чёрный мотоцикл - низкий, хищный, с горящими фарами даже днём. Денис на-

кинул ногу, завёл двигатель. Рев ударил по ушам, разорвал утреннюю тишину элитного посёлка.

- Садись.

Я не двинулась.

- Майя, - его голос стал тихим и опасным. - Я не люблю повторять.

Я подошла. Забралась на заднее сиденье, вцепившись в край. Кожа сиденья была холодной, вибрация мотора проникала в тело, заставляя дрожать. Денис схватил мои руки и обхватил ими свой пояс.

- Держись. И не вздумай отпустить.

Он резко дал газу. Я зажмурилась, ветер ударил в лицо, волосы вырвались из хвоста, хлестнули по щекам. Всё, что было вчера - особняк, ужин, его угрозы, - осталось где-то позади, растворилось в скорости. Только его спина под моими пальцами, твёрдая, горячая даже через куртку. Только запах кожи и бензина, и какой-то его, личный - кедр, перец, опасность.

Мы влетели в поток машин, мотоцикл лавировал между рядами, и я вжималась в него всё сильнее, потому что если отпущу - упаду, разобьюсь. И он знал это. Знал, что я буду держаться.

У главного входа в университет он остановил мотоцикл, даже не обернувшись.

- Увидимся.

Я слезла. Ноги дрожали, в ушах всё ещё гудел мотор. Мо-

тоцикл ушёл, оставляя за собой хвост выхлопных газов. Я стояла на тротуаре, чувствуя, как вибрация медленно отпускает тело.

Я поднялась по ступеням. Здание было огромным - сталинская высотка, отреставрированная до блеска: колонны, лепнина, тяжёлые дубовые двери, за которыми открывался мир, где мне не было места.

Внутри холл напоминал музей. Мраморный пол отражал хрустальные люстры. Стены в тёплых тонах, увешанные портретами известных выпускников - министры, олигархи, телеведущие. Студенты сновали туда-сюда. Дорогие сумки, аккуратные причёски, уверенные лица. Девушки в идеально сидящих брючных костюмах, парни в рубашках от известных марок, с часами на запястьях, которые стоили больше моей стипендии за год.

Я опустила глаза на свои кеды. Здесь всё кричало о деньгах, а я кричала о том, откуда пришла.

- Ты кто?

Я вздрогнула. Высокая блондинка в облегающем платье-футляре смотрела на меня с таким выражением, будто я была экскрементом на её идеальных лодочках.

- Первокурсница. Ищу аудиторию.

- Первокурсница, - она окинула меня взглядом, задержавшись на кедах, на кардигане, на дешёвом рюкзаке. - И на каком основании?

- Что?

- На каком основании ты здесь учишься? По блату? Или папа-олигарх отстегнул на корпус?

- Я на бюджете.

Блондинка рассмеялась. Рядом возникли ещё две девушки, переглянулись.

- На бюджете, - повторила одна. - А такие вообще бывают?

- Бывают, - усмехнулась блондинка. - Их на факультет социологии набирают. Чтобы процент был.

Они засмеялись и ушли, даже не обернувшись. Их смех остался висеть в воздухе, липкий, унижительный.

Я сжала зубы и двинулась дальше. Нашла расписание, свою группу. Аудитория на третьем этаже, факультет журналистики.

Поднялась по лестнице, стараясь не смотреть по сторонам. В аудитории уже было много народу. Студенты сидели группами, громко переговаривались, смеялись. Я выбрала место у окна, в самом углу. Достала тетрадь, ручку.

Лекция по основам журналистики началась через пятнадцать минут. Преподаватель - седой мужчина в очках, с уставшим лицом - вошёл, окинул аудиторию взглядом и начал монотонно читать. Я старалась слушать, но мысли разбегались. Вчерашняя ночь, записка, сегодняшнее утро, блондинка в холле. И Денис. Его голос, его запах, его руки, обхватившие мои, чтобы я держалась за него.

Я заставила себя сосредоточиться, начала записывать. Слова лекции складывались в голове, и на несколько минут

я даже увлеклась.

После пары вышла в коридор. Нужно было найти туалет или хотя бы укромный уголок, где можно перевести дух, но коридоры кишели студентами. Я свернула в боковую галерею, надеясь найти пустую аудиторию, и наткнулась на Дениса.

Он стоял у окна, окружённый свитой. Парни в дорогих пиджаках, девушки с идеальными причёсками, все смотрели на него, ловили каждое слово. Он был здесь королём - это читалось в позах окружающих, в том, как они подавались вперёд, слушая его.

Он заметил меня сразу. Улыбнулся той же хищной улыбкой.

- Смотрите-ка, - громко произнёс он, кивая в мою сторону. - Моя сестрёнка. Тоже учится здесь.

Свита обернулась. Я замерла, чувствуя, как все взгляды устремляются на меня. Оценивающие, насмешливые, холодные.

- Познакомьтесь, - Денис подошёл ближе. - Майя. На бюджете. Из провинции. Папа решил проявить благотворительность.

Кто-то усмехнулся.

- Она вообще знает, где находится?

- Дорогу сюда нашла, - пожал плечами Денис. - Значит, не всё потеряно.

Он остановился напротив. Я смотрела в пол, в его идеаль-

но начищенные ботинки. Боялась поднять глаза.

- Что, сестрёнка, язычок проглотила? Вчера ты была более разговорчивой.

Я молчала.

- Ладно, - он повернулся к своим. - Не будем отвлекать нашу бюджетницу от учёбы. Ей надо стараться, чтобы не вылететь после первой сессии.

Смех ударил в спину. Я развернулась и пошла прочь. Быстро, почти бегом, не разбирая дороги. Толкнула первую попавшуюся дверь с табличкой «Библиотека».

Тишина. Пахло книгами, старым деревом, покоем. Высокие стеллажи уходили вверх, к лепному потолку. В читальном зале горели настольные лампы с зелёными абажурами, создавая островки тёплого света.

Я прислонилась к стеллажу, закрыла глаза. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали. Закусила губу до крови, чтобы не разреветься.

- Ты в порядке? - тихий голос.

Я открыла глаза. Рядом стояла девушка в очках, с высоким хвостом, в простом сером свитере и джинсах - таких же обычных, как у меня. Она смотрела с беспокойством, без того высокомерия, к которому я уже начала привыкать.

- Да, - выдавила я. - Всё хорошо.

- Ты первокурсница? Я тебя раньше не видела.

Я кивнула.

- Меня Лена зовут. Я на втором курсе. Здесь часто прячусь

от шума.

- Майя.

- Пойдём, чай попьём? - она кивнула в сторону читального зала. - У нас там и диваны, и чайник. Лучшее место в универе.

Я хотела отказаться. Хотела остаться одна, переварить этот день, спрятаться в углу. Но ноги сами пошли за ней.

Мы сели на диван у окна. Лена налила чай в пластиковый стаканчик, протянула мне. Чай был крепким, с сахаром, и от него стало чуть теплее.

- Первый день всегда тяжёлый, - сказала Лена. - А тут ещё это место... Оно не для обычных людей.

- Ты тоже из... - начала я.

- Из провинции? - усмехнулась она. - Ага. Из маленького городка, который никто не знает. Поступила по олимпиаде. Первый год была как в аду. Теперь привыкла.

Она говорила просто, без пафоса, и от этого стало легче. Я смотрела на её вытертые джинсы, на старый свитер, на дешёвые балетки, и впервые за сегодня почувствовала, что не одна такая.

- Здесь есть такие, как мы, - продолжала Лена. - Просто они прячутся. В библиотеке, в подсобках, в спортзале по вечерам. Держатся вместе.

Я кивнула, делая глоток чая. Горло обожгло.

- Если хочешь, я познакомлю тебя с нашими, - предложила она. - Собираемся по пятницам. Обсуждаем учёбу, иногда

ходим в кино.

- Спасибо. Я подумаю.

Мы обменялись номерами. Я записала её контакт в телефон, и на душе стало чуть теплее. Хоть один человек здесь, кто не смотрит на меня как на грязь.

Через час у меня была следующая лекция. Я попрощалась с Леной и пошла в аудиторию, чувствуя, как возвращается тяжесть.

В коридорах уже было не таклюдно. Я шла быстро, опустив голову, и не заметила, как меня схватили за локоть.

- А вот и наша звезда.

Денис прижал меня к стене в пустом коридоре. Его пальцы впились в плечо, не больно, но крепко - так, чтобы я не могла вырваться.

- Отпусти, - прошептала я.

- Не спеши, - он наклонился ближе, и я снова почувствовала его запах. Кедр. Перец. Опасность. - Как тебе первый день? Понравилось?

Я молчала.

- А я смотрю, ты уже нашла подружек. Эта, в очках? Из второго курса? Тоже из грязи?

Я дёрнулась, пытаюсь высвободиться, но он только сильнее прижал меня к стене.

- Она не имеет отношения к твоим играм.

- Играм? - усмехнулся Денис. - Ты думаешь, я играю?

Он приблизился вплотную. Я чувствовала его дыхание на

щеке, на губах. Волосы на затылке встали дыбом.

- Я предупреждал, Майя. Я превращу твою жизнь в ад. И начну с малого.

Он выхватил у меня телефон. Я не успела среагировать - его движения были слишком быстрыми.

- Отдай! - я рванулась, но он отступил на шаг, удерживая меня одной рукой.

- Четыре цифры, - он усмехнулся, глядя на экран. - Ты слишком предсказуема, сестрёнка.

Его пальцы забегали по экрану. Я смотрела, как он открывает контакты, что-то удаляет, потом заходит в мессенджеры.

- Что ты делаешь? - мой голос сорвался на крик.

- Чищу твоё окружение. У тебя здесь слишком много лишних людей. Вот эта Лена, например. И ещё какие-то странные номера.

Он поднял на меня глаза. В них не было ни капли сомнения, ни тени жалости. Только холодное, спокойное удовлетворение.

- Тебе не нужны друзья, Майя. Тебе нужно помнить, кто ты и где находишься.

Он бросил телефон обратно. Я поймала его дрожащими руками.

- Ты... ты не имеешь права...

- Имею, - перебил он, и его голос стал тихим, почти ласковым. - Я здесь всё имею право. Запомни это.

Он развернулся и ушёл, даже не оглянувшись. Его шаги гулко отдавались в пустом коридоре, затихая вдалеке.

Я прислонилась к стене, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Разблокировала телефон, открыла контакты.

Лены не было. Исчезли все номера, которые я успела накопить за последние годы. Одноклассники, знакомые, даже школьная подружка, с которой мы переписывались раз в полгода. Всё, что связывало меня с прошлой жизнью, он стёр одним движением.

Я закрыла глаза. Слезы навернулись, но я заставила себя не плакать. Не здесь. Не перед ним.

Глубоко вздохнула, вытерла глаза и пошла на лекцию.

В аудитории было шумно. Студенты переговаривались, смеялись. Я села на своё место у окна, положила перед собой тетрадь.

В телефоне завибрировало сообщение.

Я не хотела смотреть. Но пальцы сами разблокировали экран.

Денис.

Фотография. Я в библиотеке, сижу на диване, разговариваю с Леной. Снято со стороны, через стекло. Крупно, чётко. Он следил за мной. Он был там.

«Хорошая компания. Жаль, что ненадолго».

Второе сообщение:

«И не вздумай восстанавливать контакты. Я узнаю. И тогда будет хуже. Намного хуже».

Я убрала телефон в карман, закрыла глаза.

Первый день в университете подходил к концу. За окном темнело, в аудитории зажгли свет. А впереди была целая жизнь в этом доме, в этом универе, в этом аду, который он мне обещал.

Я закусила губу до крови, чувствуя металлический привкус.

И поняла: он только начал.

Глава 4. Фальшивый поцелуй

Утром я проснулась от того, что кто-то ходил по комнате.

Резко села, вжалась спиной в изголовье. Сердце колотилось где-то в горле, перед глазами всё плыло. Но комната была пуста. Только шторы колыхались от приоткрытой форточки, да на тумбочке лежал телефон.

Я выдохнула. Приснилось.

Взяла телефон - ни одного уведомления.

Я откинулась на подушки. Потолок белый, гладкий, без единой трещинки. Я смотрела на него и прокручивала в голове вчерашний вечер. Его пальцы на моём подбородке. Его дыхание на губах. Момент, когда я закрыла глаза.

И его смех.

Зажмурилась, чувствуя, как щёки заливают краской. Стыд. Горячий, липкий, унижительный. Я позволила ему подойти так близко. Я хотела, чтобы он меня поцеловал. После всего, что он сделал. После разрезанного свитера, после стёртых контактов, после «нищенки» и «приживалки».

Что со мной не так?

В дверь постучали.

- Майя, ты проснулась? - мамин голос.

- Да.

- Я войду?

Дверь открылась, мама вошла с подносом. Кофе, круассан-

ны, свежесжатый сок. Всё на идеальном белом фарфоре с золотым ободком.

- Доброе утро, - она поставила поднос на тумбочку, села на край кровати. - Как спалось?

- Нормально.

- Ты вчера пришла рано. Я слышала, как ты поднималась.

Что-то случилось?

Я смотрела на её встревоженное лицо. Она выглядела счастливой - по-настоящему, впервые за много лет. У неё новая жизнь, новый муж, новый дом. Если я расскажу правду, всё рухнет.

- Устала, - ответила я. - Просто устала.

Мама погладила меня по руке. Её пальцы пахли дорогим кремом и всё той же ванилью - моей, родной, единственной, что осталась от прошлого.

- Первые дни всегда тяжёлые, - сказала она. - Но ты справишься. Ты у меня сильная.

Сильная. Я сжала зубы, чтобы не разреветься.

- Мам, я не хочу никуда идти сегодня.

- Но сегодня же вечеринка! - она всплеснула руками. -

Виктор уже всё организовал. Он хочет, чтобы ты там была. Все будут. Это важно для семьи.

Семья. Я посмотрела на неё и вдруг поняла: она говорит не о нас с ней. Она говорит о Соболевых. Я стала частью их семьи, и от меня ждут, что я буду играть по их правилам.

- Хорошо, - сказала я. - Я приду.

Мама просияла.

- Я так и знала. Виктор передал тебе платье, оно висит в шкафу. Примерь обязательно.

Я ждала, когда она уйдёт, потом встала, открыла шкаф. Платье висело на плечиках - длинное, шёлковое, цвета слоновой кости. С открытыми плечами, с тонкими бретельками. Дорогое. Чужое.

Я провела пальцами по ткани. Она была прохладной, скользкой, живой. Такие платья носят девушки с обложек. Такие не надевают на студенческие вечеринки - их надевают на светские рауты, где решаются судьбы корпораций.

Виктор выбрал его сам. Он готовил меня к выходу в свет. Чтобы все видели: его новая дочь - не просто приживалка, она достойна их круга.

Я повесила платье обратно.

День тянулся медленно. Сидела на подоконнике, смотрела, как внизу снуют садовники, поливают газоны, подстригают кусты. Всё здесь идеальное. Искусственное. Как в музее восковых фигур.

Попыталась позвонить Лене, но набрала номер и сбросила, так и не нажав «вызов». Что я ей скажу? «Мой сводный брат стёр твой контакт, я восстановила, но боюсь, что он узнает»? Она подумает, что я сумасшедшая.

Открыла чат с Денисом. Вчерашняя фотография всё ещё висела там - я на террасе, с закрытыми глазами, с его пальцами на моём подбородке. Удалила чат. Потом восстанови-

ла. Потом удалила снова.

К четырём часам в дверь постучали. Та самая горничная - молоденькая, с испуганными глазами - вошла с косметичкой.

- Виктор велел помочь вам подготовиться, - сказала она, не поднимая глаз.

- Я сама.

- Он будет недоволен.

Я посмотрела на неё. Ей было лет семнадцать, не больше. Худенькая, с бледным лицом и руками, которые привыкли работать быстро и незаметно. Она боялась Виктора. Так же, как и я.

- Хорошо, - сказала я. - Помогай.

Она распаковала косметичку, и я села перед зеркалом. Её пальцы скользили по моему лицу, нанося тональный крем, подводку, тени. Работала молча, сосредоточенно. Я смотрела на своё отражение, превращающееся в чужое.

- У вас красивые волосы, - тихо сказала она, укладывая их в сложную причёску. - Натуральные.

Я не ответила.

- Мои тоже были такие, - добавила она, и в её голосе мелькнула грусть. - Пока я не начала их выпрямлять. Здесь все выпрямляют.

«Здесь». Она сказала это так, будто мы с ней были по одну сторону. Будто она тоже была чужой.

- Ты давно здесь работаешь? - спросила я.

- Два года, - она поправила локон, закрепила шпилькой.

- Меня привезли из области. Учиться обещали, но... - она замолчала, и я поняла, что не нужно продолжать.

В дверь постучали.

- Майя, ты готова? - голос мамы.

- Почти.

Горничная отступила, окинула меня взглядом. В её глазах мелькнуло что-то похожее на зависть. Или на жалость.

- Вам очень идёт, - сказала она и вышла.

Я осталась перед зеркалом. Из него на меня смотрела чужая девушка. Идеальная причёска, идеальный макияж, идеальное платье. Дорогая, ухоженная, фарфоровая. Та, которой здесь самое место. Только глаза остались мои - испуганные, настороженные.

Я взяла мамин платок, который она оставила на тумбочке. Белый батист, вышитый инициалами. Пахло её духами и домом. Сунула в маленькую сумочку - на удачу.

Вспомнила про свой дешёвый парфюм из перехода. Достала флакон, брызнула на запястья, на шею. Резкий, приторный «ягодный коктейль» перебил ваниль. Чтобы не пахло бедностью. Чтобы никто не унюхал, откуда я на самом деле.

- Майя!

- Иду.

Спустилась по лестнице, чувствуя себя ряженой. Туфли на высоком каблуке красивые, но неудобные.

Внизу ждала машина. Мама поцеловала меня в щёку, оставив след от помады.

- Веселись, - сказала она. - И помни: ты теперь Соболева. Виктор кивнул, не отрываясь от планшета. Дениса не было.

Я села на заднее сиденье, и машина тронулась. Всю дорогу смотрела в окно, считала фонарные столбы. Пальцы дрожали, я сжала их в кулаки, чтобы успокоиться.

Вечеринка проходила в загородном клубе - белое здание с колоннами, панорамные окна, идеальный газон, подсвеченный снизу. У входа толпились студенты - все в дорогом, все красивые, все уверенные.

Я вышла из машины, ветер ударил в лицо, подхватил подол платья. Придержала рукой и пошла ко входу, чувствуя взгляды.

- О, наша бюджетница пожаловала! - раздался голос блондинки из холла.

Она стояла у входа в окружении свиты, в красном платье с глубоким декольте, с бокалом шампанского. Её подруги - такие же ухоженные, такие же уверенные - смотрели на меня с ленивым любопытством.

- А платье-то откуда? - блондинка обвела меня взглядом, задержавшись на шёлке. - На стипендию не похоже.

Подруги захихикали.

- Папа купил, - ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

- Папа? - она приподняла бровь. - Ах да, забыла. Ты же теперь почти Соболева.

Она сделала ударение на «почти». Я прошла мимо, не оборачиваясь, но чувствовала её взгляд на спине.

Внутри играла музыка, мигали огни. Студенты танцевали, пили, смеялись. Кто-то узнавал меня, перешёптывался, кивал. Я взяла с подноса бокал с шампанским, сделала глоток.

Оглядела зал в поисках места, где можно спрятаться. В углу стояли высокие столики, у одного - никого. Я направилась туда, но не успела сделать и трёх шагов.

- А вот и моя сестрёнка.

Голос за спиной. Тот самый - низкий, вкрадчивый, опасный.

Я обернулась. Денис стоял в двух шагах, с бокалом в руке, в тёмном пиджаке и белой рубашке, расстёгнутой у ворота. Волосы чуть влажные, на скулах тень щетины. Выглядел так, будто только что сошёл с обложки. И смотрел на меня так, будто видел впервые.

- Платье, - сказал он, окидывая меня медленным взглядом - от туфель до причёски. - Недурно. Папа постарался?

- Тебя это не касается.

Он усмехнулся, шагнул ближе.

- Касается, сестрёнка. Всё, что касается семьи, касается меня.

Он взял меня под локоть - не больно, но крепко. Я дёрнулась, он не отпустил.

- Пойдём, познакомлю тебя с нужными людьми. Ты же теперь почти Соболева. Должна знать своё место.

Он повёл меня через зал, и я шла, потому что не могла вырваться. Потому что все смотрели, и если я устрою сцену, мама узнает. А мама не должна узнать.

- Это моя сестра, - представлял меня Денис, и в его голосе звучала насмешка. - Майя. Учится на бюджете.

Люди улыбались, кивали, но в их глазах я читала то же, что и вчера в университете. Снисхождение. Жалость. Презрение. Они видели во мне чужую - девушку, которую привели в их мир по ошибке.

Я стояла с бокалом в руке, улыбалась застывшей улыбкой и чувствовала, как внутри всё сжимается. Как хочется развернуться и убежать. Но я не могла.

- Ну как тебе вечеринка? - спросил Денис, когда мы отошли от очередной группы. - Нравится быть частью высшего света?

- Отпусти меня, - прошептала я.

- Зачем? - он наклонился ближе, и я снова почувствовала его запах. Кедр. Перец. Опасность. - Тебе же нравится. Притворяться той, кем ты не являешься. Носить чужие платья. Улыбаться чужим людям.

- Ты не знаешь, кто я.

- Знаю, - его голос стал тихим, почти ласковым. - Ты маленькая нищенка, которая пытается украсть то, что ей не принадлежит. Но я не позволю.

Он отпустил мой локоть и отошёл, оставив меня стоять посреди зала. Я смотрела ему вслед, чувствуя, как кровь при-

ливаает к щекам, как пальцы сжимают бокал так, что он вот-вот треснет.

Я хотела уйти. Хотела найти такси, вернуться в особняк, забиться в угол и никогда не выходить. Но ноги не слушались. Или что-то внутри - какая-то глупая, отчаянная гордость - не позволяло мне сдаться.

Я сделала ещё глоток шампанского. Потом ещё. Жидкость обжигала горло, но вместе с жжением приходила странная, пьянящая решимость.

Я не буду бежать. Не буду.

Поставила пустой бокал на поднос проходящей мимо официантки и двинулась через зал. Лавировала между танцующими, обходила группы смеющихся студентов, не обращая внимания на взгляды. Я искала его.

Нашла у барной стойки. Он стоял, окружённый своей свитой, что-то говорил, и все ловили каждое слово.

- Денис.

Он обернулся медленно, не торопясь. В его глазах мелькнуло удивление - и тут же сменилось холодным, оценивающим прищуром.

- Не ожидал, что ты придёшь.

- Ты хотел меня унижить, - сказала я, и голос дрожал, но я не могла остановиться. - Ты думаешь, если выставишь меня душой перед всеми, я сломаюсь. Убегу. Исчезну.

Свита замерла, уставилась на нас. Кто-то усмехнулся, кто-то переглянулся. Я чувствовала их взгляды на себе, но

уже не могла остановиться.

- Не дождёшься, - выдохнула я. - Я не сломаюсь. Я не исчезну. Я буду здесь. И ты ничего с этим не сделаешь.

Тишина. Музыка из динамиков доносилась приглушённо, будто кто-то сделал звук тише. Денис смотрел на меня, и в его взгляде было что-то новое. Что-то, чего я не умела читать.

Он сделал шаг ко мне. Ещё один. Я отступила, упёрлась спиной в барную стойку.

- Ты смелая, - сказал он, и в его голосе не было насмешки.
- Или глупая.

- Может, и то, и другое.

- А может, и то, и другое, и ещё что-то, чего ты сама не понимаешь.

Он подошёл вплотную. Я чувствовала жар его тела, запах кедра и перца, который теперь казался не чужим, а пугающе родным. Сердце колотилось где-то в горле, и я не могла дышать.

Свита молчала. Все смотрели.

Он наклонился. Медленно. Очень медленно. Я видела, как расширились его зрачки, как потемнели серые глаза. Видела отражение ламп в них, и своё собственное отражение - маленькое, испуганное, замершее.

- Знаешь, - прошептал он, и его дыхание коснулось моих губ, - а ведь в тебе что-то есть.

Он коснулся моего подбородка. Пальцы были тёплыми,

шершавыми, и от этого прикосновения у меня перехватило дыхание. Он приподнял моё лицо, и я не могла отвести взгляд.

Я замерла, парализованная страхом и ещё чем-то - чем-то жарким, что разливалось по венам, заставляло забыть, кто он и кто я. Всё, что было между нами, всё, что он говорил, всё, что он делал, - всё исчезло.

Остались только его глаза, его пальцы на моём лице, его дыхание на моих губах.

- Отпусти, - выдохнула я, но голос прозвучал слабо, неубедительно, и я ненавидела себя за это.

- Не хочу, - ответил он, и в его глазах я увидела это.

Не ненависть. Не презрение.

Дикую, одержимую страсть.

Она пульсировала в воздухе между нами, густая, жаркая, почти осязаемая. Я чувствовала её каждой клеткой. И знала: он чувствует то же.

Он наклонился. Медленно. Я закрыла глаза. Сердце замерло, мир замер, время остановилось.

Поцелуй не пришёл.

Я открыла глаза. Денис отстранился на полшага. Его лицо изменилось - холодная, жестокая усмешка вернулась на место, как маска, которую он надел заново.

- Испугалась? - тихо спросил он, и теперь его голос слышали все. - Думала, я тебя поцелую?

Кто-то засмеялся. Я услышала этот смех - резкий, бьющий

по ушам. Кто-то ещё. И ещё.

- Ты не в моём вкусе, сестрёнка, - сказал он, и в его голосе сквозило такое презрение, что у меня перехватило дыхание. - Слишком дешёвая. Даже в этом платье.

Он отступил, развернулся и отошёл к своим, даже не оглянувшись. Свита расступилась, пропуская его, и я осталась стоять у барной стойки одна, под взглядами десятков глаз.

Смех стихал, но я всё ещё слышала его. В ушах шумело, в груди всё горело.

Я не помню, как выбралась из зала. Помню только, что шла, не разбирая дороги, мимо танцующих, мимо блондинки в красном, которая что-то крикнула мне вслед. Я вылетела на улицу, в темноту, и только там, прижавшись спиной к холодной стене клуба, позволила себе выдохнуть.

Слёзы текли по щекам, размазывая тушь. Я вытирала их ладонями, но они не останавливались.

Он сделал это нарочно. Подошёл так близко, заставил поверить... и оттолкнул. При всех. Чтобы я чувствовала себя дурой. Чтобы я знала своё место. Чтобы в следующий раз, когда он приблизится, я не смела надеяться.

Я стояла у стены, дрожа в шёлковом платье, и чувствовала, как внутри что-то ломается. Та самая гордость, которая держала меня всё это время. Она трескалась, осыпалась, как старая штукатурка.

- Эй, ты в порядке?

Голос. Я подняла голову. Передо мной стояла девушка -

незнакомая, в простом чёрном платье, смотрела с беспокойством.

- Да, - выдавила я. - Всё хорошо.

- Не похоже, - она протянула мне платок. - Держи.

Я взяла, вытерла лицо. Платок пах лавандой.

- Спасибо.

- Тот парень? - она кивнула в сторону клуба. - Денис Со-
болев?

Я не ответила.

- Он козёл, - сказала девушка просто. - Все это знают. Но
с ним лучше не связываться. Он уничтожает тех, кто ему не
нравится.

- Я знаю, - прошептала я.

- Тогда держись от него подальше, - посоветовала она и
ушла, оставив меня одну.

Я стояла на улице, сжимая в руке мокрый платок. Шам-
панское выветрилось, осталась только тяжёлая, свинцовая
усталость.

Вызвала такси, села на заднее сиденье и всю дорогу смот-
рела в окно. Огни Москвы проплывали мимо, чужие, холод-
ные. Я вспоминала его глаза в тот момент, когда он наклон-
ялся. В них было что-то, кроме ненависти. Я видела это. Я
точно видела.

Или мне только показалось?

В особняке было темно. Я поднялась к себе, не включая
свет, скинула туфли. Платье упало на пол шёлковой лужей.

Села на кровать, обхватила колени руками. Телефон завибрировал.

Сообщение от Дениса.

Фотография. Я у барной стойки, прислонённая к стойке, с закрытыми глазами. Он сделал это в тот момент, когда я ждала поцелуя.

Текст: «Хорошо получилось, правда? Повесим на стену?»

Я смотрела на экран, и слёзы снова навернулись на глаза.

Второе сообщение: «Ты говорила, что не сломаешься. Посмотрим, как долго ты продержишься, мышка».

Я убрала телефон, легла, уставилась в потолок.

Я закрыла глаза, но не могла уснуть. Перед глазами стояла картина: он приближается, я замираю, сердце замирает... и его усмешка. Холодная, жестокая, торжествующая.

Он хотел унижить меня. И у него получилось.

Но в тот момент, когда его пальцы коснулись моего подбородка, я забыла обо всём. О том, кто он. О том, что он сделал. Я просто стояла и ждала.

И это было хуже всего.

Я ненавидела его. Ненавидела так, что зубы сводило. Но в ту секунду, когда он наклонился, я хотела, чтобы он меня поцеловал.

Я зарылась лицом в подушку, чтобы не закричать.

Я не спала. Я смотрела в потолок и думала о том, что сказала ему: «Я не сломаюсь».

Я не сломаюсь. Не сломаюсь.

Но я не знала, как долго смогу это повторять.

Глава 5. Свита короля

Ночь прошла в тягучем полубреду. Я лежала на спине, глядя в белый потолок, и перебирала в памяти каждую секунду той сцены на террасе. Его пальцы на моём подбородке. Дыхание на губах. Смех, который разорвал мгновение, превратив его в клеймо.

Я поворачивалась на бок, сжимала подушку, зарывалась лицом в прохладную ткань. Ничего не помогало. Стоило закрыть глаза - и я снова стояла у колонны, с закрытыми глазами, ждущая. А потом - его голос: «Слишком дешёвая».

Под утро я провалилась в забытье, но и там меня настигли его глаза - серые, ледяные, с той странной искрой, которую я так и не смогла разгадать. Во сне он снова наклонялся, я чувствовала запах кедра и перца, а когда просыпалась - в комнате было пусто, только серый рассвет пробивался сквозь щели в шторах.

За окном зарозовело. Я села, ощущая тяжесть во всём теле, словно вместо сна меня грузили мешками с песком. Подошла к зеркалу. Под глазами залегли синие тени, лицо казалось чужим, осунувшимся. Я провела пальцами по щеке - кожа была холодной, безжизненной.

Внизу за завтраком мама обеспокоенно смотрела на меня. Она сидела напротив, в новом домашнем платье, с идеальной укладкой, и я видела, как она подбирает слова.

- Ты плохо выглядишь, - наконец сказала она. - Может, останешься дома?

- Не выпалась, - ответила я, ковыряя вилкой омлет. - Всё нормально.

- Денис уже уехал, - добавила она, и в её голосе послышалось что-то виноватое. - Он сегодня рано.

Я кивнула, не поднимая глаз. Виктор сидел во главе стола с планшетом и даже не поднял головы. Я для него была мебелью - дорогой, но мебелью.

Водитель подал машину. Я села на заднее сиденье, прижалась лбом к стеклу. Дорога до университета растянулась в бесконечность. Я смотрела на проплывающие мимо дома, на рекламные щиты, на людей, спешащих по своим делам, и завидовала им. Они не знали, что такое просыпаться в доме, где тебя ненавидят.

В холле былолюдно, как всегда. Я опустила голову, стараюсь слиться с толпой, проскользнуть к лестнице незамеченной. Но не успела сделать и трёх шагов.

- А вот и она.

Голос Дениса прозвучал громко, отчётливо, так, что его слышали все в радиусе двадцати метров. Я замерла, чувствуя, как кровь отливает от лица.

Он стоял у центральной лестницы в окружении свиты. Парни в дорогих пиджаках, девушки с идеальными причёсками - все смотрели на него, а теперь смотрели на меня. Он был здесь королём - это читалось в позах окружающих, в том,

как они подавались вперёд, ловя каждое слово.

- Моя сестрёнка, - продолжал Денис, не повышая тона. Его голос стелился по холлу, мягкий, опасный. - Та самая, которая на вечеринке хотела, чтобы я её поцеловал.

Кто-то засмеялся. Смех подхватили, он поплыл над головами, липкий, унижительный. Я сжала лямку рюкзака так, что пальцы заболели. В ушах зашумело, перед глазами всё поплыло, но я заставила себя стоять прямо.

- А она ничего, - протянул один из парней, Кирилл, и в его голосе сквозило такое, от чего у меня свело спину. - Симпатичная, если приглядеться.

- Приглядывайся, - усмехнулся Денис. - Она свободна. И, кажется, очень хочет внимания.

Он сказал это так, будто я была вещью. Вещью, которую можно передать, отдать, выбросить. Я подняла голову, встретилась с ним взглядом. В его глазах не было ничего. Ни злости, ни ненависти, ни даже того странного жара, который я видела на вечеринке. Только холодная пустота.

- У тебя лекция через десять минут, сестрёнка, - бросил он, уже теряя ко мне интерес. - Беги, не опаздывай. А то вылетишь.

Я пошла. Быстро, почти бегом, чувствуя на спине десятки взглядов. Казалось, они прожигают ткань футболки, оставляя следы.

На первой паре я сидела у окна, смотрела в тетрадь и не видела ни строчки. Внутри пульсировала тупая, горячая

злость. Но главное - страх. Он объявил меня неприкасаемой. Нет, хуже: он объявил меня доступной. Жалкой, отчаявшейся, той, кто «хочет внимания». А теперь его свита будет развлекаться.

Я представила, как они будут подходить, что будут говорить, и внутри всё сжималось. Я закусила губу до крови, чувствуя знакомый металлический привкус.

На перемене я вышла в коридор и сразу поняла, что не ошиблась. Студенты, которые вчера просто игнорировали меня, теперь откровенно пялились. Кто-то улыбался, кто-то перешёптывался, показывая пальцем.

- Это она? - услышала я за спиной.

- Да, та самая. Сводная сестра Соболева. Говорят, она на вечеринке к нему приставала.

- Бедная? Ну понятно. Охота на богатенького наследника.

- А он её отшил при всех. Говорят, она чуть не плакала.

Я сжала зубы и ускорила шаг. Надо найти Лену. Единственного человека, который...

- Майя!

Я обернулась. Лена стояла у окна, в своём сером свитере, с очками на носу. Она махала мне рукой, и в её глазах не было насмешки. Только тревога.

- Ты чего такая? - спросила она, когда я подошла. - Случилось что-то?

- Всё нормально.

- Не нормально, - она оглянулась, понизила голос. - Я слы-

шала, что вчера было. Соболев при всех... Он...

- Не важно, - перебила я. - Правда.

Лена посмотрела с сомнением, но спорить не стала.

- Пошли в библиотеку? У меня окно, и у тебя, наверное, тоже.

Я кивнула. Мы пошли по коридору, и я чувствовала спиной взгляды. Они жгли, как лазеры.

- Не обращай внимания, - тихо сказала Лена. - Они всегда так. Им лишь бы позлословить. Через неделю найдут кого-то другого.

Я хотела ей верить.

В библиотеке было тихо. Мы сели на наш диван у окна, Лена налила чай в пластиковые стаканчики.

- Держись, - сказала она. - Если нужна будет помощь - обращайся. Я понимаю, каково это, когда все против тебя.

Я кивнула, чувствуя, как к горлу подступает ком. Тепло стаканчика грело ладони. Я смотрела на Лену - её простой свитер, дешёвые балетки, потёртый рюкзак - и впервые за последние дни почувствовала, что я не одна.

- Спасибо, - сказала я, и в этом коротком слове было больше, чем я могла выразить.

После лекции по истории журналистики я вышла в коридор, намереваясь сразу идти к гардеробу. Но у выхода из аудитории меня перехватил Кирилл.

Он стоял, прислонившись плечом к стене, с ленивой улыбкой на лице. В дорогом пиджаке, с часами на запястье, кото-

рые стоили больше моей стипендии за год.

- Майя, да?

Я попыталась обойти его, но он ловко преградил путь.

- Я Кирилл, - представился он, не двигаясь с места. - Друг Дениса.

- Я знаю. Отойди.

- Не спеши, - он шагнул ближе, и я почувствовала запах дорогого парфюма, под которым чувствовался резкий мужской пот. - Денис сказал, ты ищешь внимания. Я могу составить компанию.

У меня внутри всё похолодело. Я вспомнила его взгляд в холле - равнодушный, пустой. Он не просто отдал меня на растерзание, он назначил цену.

- Отойди, - повторила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

- Обижает, - он протянул руку, намереваясь коснуться моего плеча. Я отшатнулась, вжалась спиной в стену.

- Не трогай меня.

- Какая недотрога, - усмехнулся он. - А на вечеринке, говорят, ты сама к Денису лезла.

Он хотел унижить. Так же, как Денис. Я смотрела в его наглые, уверенные глаза и чувствовала, как внутри закипает злость.

- Я сказала: отойди, - произнесла я, и в моём голосе появилась сталь, которой я сама от себя не ожидала.

Он на секунду опешил, потом ухмыльнулся, но сделал шаг назад.

- Ладно, ладно. Но Денис не вечно будет тебя прикрывать.

Учти.

Он развернулся и ушёл, оставив меня стоять у стены. Я выдохнула, чувствуя, как дрожат колени.

В гардеробе меня ждала Лика.

Она стояла у выхода с моим пальто в руках - тем самым, которое Виктор купил мне перед отъездом. Её подруги столпились за спиной, улыбаясь. Лика была красивой - высокой, стройной, с длинными светлыми волосами и идеальным макияжем. Она выглядела так, будто сошла с обложки журнала. И смотрела на меня так, будто я была насекомым.

- Потеряла? - спросила Лика, поигрывая вешалкой.

- Отдайте, - сказала я, подходя.

- Отдадим, конечно, - она кивнула подругам. - Только сначала ответь на вопрос. Говорят, ты на вечеринке к Денису приставала. Это правда?

- Не твоё дело.

- Ошибаешься, - она шагнула ко мне, и я почувствовала её запах - дорогие духи, цветочные, сладкие. - Денис - мой парень. А ты... ты никто. Приживалка. Нищенка, которую привели в наш дом обслуживать мою будущую семью.

Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

- Отдай пальто.

- Зачем оно тебе? - она усмехнулась. - Всё равно оно не твоё. Виктор купил. Как и всё, что на тебе.

Она разжала пальцы, и пальто упало на грязный кафель-

ный пол. Подруги засмеялись.

- Подними, - сказала Лика, глядя мне в глаза. - Ты же привыкла.

Я смотрела на пальто, валяющееся на полу. На его идеальную ткань, на подкладку, которую мама выбирала в магазине, думая, что её дочь наконец будет выглядеть как все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.